

≈ 46 мин

Оглавление [скрыть](#)

1. Советология
2. Что такое государственный капитализм?
3. «Левые» критики СССР
4. Переходный период
5. Тони Клифф и его сторонники
6. Классический марксизм против «реального социализма»

Среди западной «левой» интеллигенции в период становления советской власти были распространены дискуссии о том, что же это всё-таки за общественный строй? Кто-то говорил, что это «азиатский способ производства», кто-то полагал, что это самый обыкновенный капитализм, иногда даже «сверхкапитализм», а кто-то указывал, что это возрождение феодализма, вспоминая слова Бакунина о том, что с сохранением государства невозможно сохранить «свободу и справедливость».

Важно, что многие такие критики в годы войны поддержали своё правительство, что и стало причиной распада II Интернационала. Пока новое пролетарское государство было в стадии становления, все эти «социалисты» только и говорили о жестокости, о «возрождении варварства» и проч. Ленин в статье [«Как буржуазия использует ренегатов»](#) указывал, что буржуазные СМИ регулярно оповещали население о походах Каутского на советскую власть.

Реформисты, которые в годы затишья могли формально выступать за революцию, в период реальных волнений тут же становились сторонниками правительства. Наиболее характерный пример — перерождение «легальных

марксистов», которые отказались от идей Маркса и стали распространять религиозную философию, а в политике придерживались правых (иногда и ультраправых) взглядов.

Дело в том, что любые реформисты являются по сути политическими провокаторами в рабочей среде, их цель — служить буржуазии верой и правдой; они выполняют точно такую же работу, что и социальные институты, защищающие нынешний строй.

И, естественно, форм у оппортунизма очень много. Главная задача: доказать рабочему движению, что Советская Россия не имеет ничего общего с диктатурой пролетариата. Нужно доказать, что на самом деле там общество всеобщей ненависти, где убивают за чтение стихов, продают в магазинах человеческое мясо и практикуют многожёнство (белоэмигранты в период гражданской войны нередко об этом «свидетельствовали»).

Дискуссии о природе СССР не прекращаются и до сих пор. Классовые враги, используя СМИ, говорят о том, что социализм сам по себе ужасен, а капитализм — нечто естественное, богом данное, выступать против рыночной экономики — это как выступать против эволюции.

Но такие явные буржуазные лакеи не представляют особого интереса, поскольку их аргументы, в основном, просто апеллируют к эмоциям. Да и всё-таки бить социализм любыми методами соответствует их материальным интересам.

Другой разговор — дискуссия о природе СССР в социалистической среде.

Довольно часто такие дискуссии свидетельствуют о том, что лица, относящие себя к марксистам, плохо знакомы с марксизмом; они просто игнорируют теорию переходного периода и в целом политэкономию, то есть основные признаки формаций и их взаимосвязь в период социальной революции, которая как раз произошла в 1917 году в России.

В данном случае хотелось бы рассмотреть теорию государственного капитализма, которая является достаточно популярной в западной левацкой среде. Её суть заключается в том, что в СССР был установлен государственный капитализм. В России, в основном, она распространена среди реформистов (социал-демократов), анархистов, так называемых левых коммунистов и, конечно, среди сторонников Тони Клиффа.

СОВЕТОЛОГИЯ

Критики СССР редко рассматривают вопрос с марксистских позиций, то есть не говорят о том, в чём суть государственного капитализма и даже самого капитализма. Есть некоторые формальные признаки, при помощи которых в принципе можно доказать, что в СССР был любой общественный строй. Используются уловки, в частности, редуцирование и свехобобщение.

Главное доказательство в таком «анализе» — аналогии. То есть если критики находят некие общие черты СССР и капиталистических стран — значит, это государственный капитализм. Хотя на самом деле некоторые мудрецы находили и такие признаки, которые позволяли сделать вывод: в СССР даже не государственный, а чистый капитализм. Члены партии — буржуазия. Как вариант, это новый вид буржуазии, куда более совершенный. Мол, это вообще

будущее, актуальное для всех стран. Антиутопия «1984» — иллюстрация.

Не нужно думать, что это всего лишь фантазия конкретного писателя. На самом деле во времена холодной войны население западных стран запугивали именно в таком духе. Так что в период противостояния подобные аргументы не считались ложными, наоборот, их рассматривали всерьёз, эти доводы обсуждались в среде советологов, а буржуазные фонды давали слово противникам СССР, которые разделяли «социалистические» взгляды. Именно тогда появлялись лженаучные концепции вроде теории тоталитаризма¹.

Мнение людей, сторонников научных взглядов, оставалось неизвестным. Потому что в лучшем случае такое печатали в малотиражных изданиях, и ясно, что буржуазные СМИ особо об этом никого не оповещали. Задача была проста: сохранить капиталистический строй.

А противники СССР среди «левых» выполняли свою задачу. Они, утверждая, что социальная революция неминуемо приведёт к «ужасу», «террору» и «тоталитаризму» в конечном итоге занялись ревизией марксизма и получили от буржуазии карт-бланш в СМИ и даже в образовании.

Нельзя в то же время идеализировать СССР. Конечно, проблемы были, но для их разбора нужен научный подход. А в данном случае всё-таки речь идет о людях, работающих в интересах буржуазии, которые кровно заинтересованы в сохранении данного способа производства. Навряд ли в таком случае возможно объективное рассмотрение проблемы. Тем более, что сегодня есть факты, свидетельствующие о том, что в плане работы с источниками советологи, увы, часто использовали откровенные фальшивки, в том числе, рассказы

Солженицына считались прямо-таки авторитетным источником. Поэтому для многих было не так важно понять, какова реальная природа СССР, а задача была конкретная — борьба с советским режимом.

ЧТО ТАКОЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КАПИТАЛИЗМ?

Суть государственного капитализма заключается в том, что основные игроки рынка, то есть монополии, сращиваются с государственным аппаратом для того, чтобы извлекать ещё большую прибыль. Естественно, в какой-то мере элементы государственного капитализма есть всегда, другое дело — насколько это выражено.

В современных странах, наиболее развитых, элементы государственного капитализма налицо. Используя международные финансовые организации, именно государства, основные члены ЕС, США, Япония и некоторые другие, уничтожают целые отрасли в «отсталых» странах, дабы расширить своё влияние.

При государственном капитализме сохраняется классовое разделение, частная собственность на средства производства. Более того, государственный капитализм куда более «стабилен», чем капитализм, в ситуации, когда «рынок всё решает». Часто государственный капитализм может свидетельствовать о временной стабилизации режима, зачастую за счёт угнетения неразвитых стран, тем самым отчасти сглаживая противоречия в собственной стране.

Левацкие интеллектуалы полагают, что это принципиально меняет рассмотрение капиталистической системы, что теперь уже многие положения

политэкономии, характерные для XIX века, просто неактуальны. Хотя на деле можно наблюдать те же самые захваты рынков, перенос производства и неравный обмен.

В такой ситуации левакам жить комфортно, и они просто не замечают того, за счёт чего возможна такая жизнь. Их «левые» взгляды всё дальше от марксизма, они теперь просто выступают как защитники разного рода «идентичностей», то есть малых групп, которые выступают, например, за права полных людей, геев, представителей малочисленных субкультур и т. д. Угнетение развивающихся стран соответствует их материальным интересам, хотя никто среди «левых» прямо это и не озвучивает. Призывать к революции в странах золотого миллиарда так же разумно, как призывать к революции буржуев, напоминая им о том, что эксплуатация не соответствует нормам морали.

Самое главное, что при государственном капитализме непременно должен сохраняться капиталистический характер производства, то есть оно должно быть направлено на извлечение максимальной прибыли, все основные противоречия способа производства будут сохранены, порождая кризисы и военные катастрофы.

Во времена Маркса и Энгельса находились люди, которые видели в государственном капитализме некий идеал. Классики отвечали на это таким образом:

«Это чисто корыстная, манчестерски-буржуазная фальсификация называть „социализмом“ всякое вмешательство государства в свободную конкуренцию — покровительственные пошлины, гильдии, табачную

монополию, огосударствление отдельных отраслей промышленности, Seehandlung, королевский фарфоровый завод. Мы должны подвергать это критике, а не принимать на веру»².

Навряд ли можно сказать, что улучшения социальной жизни — плохо, однако эти незначительные улучшения не отменяют капиталистическое общество. Объективно подобные реформы и укрепление государственного капитализма могут быть связаны с задачей стабилизировать капитализм. Это могут быть временные меры, как, например, в период, пока было актуально противостояние запада и СССР, в ту пору действительно многие государства можно было считать «социальными», но подчёркнуто с сохранением капитализма как безальтернативного способа производства.

Возьмём словарное определение государственного капитализма:

«В современных капиталистических странах—система регулирования народного хозяйства со стороны государственной власти, возглавляемой представителями крупного финансового капитала. Это регулирование хозяйственной жизни со стороны государства особенно усилилось во время империалистической войны, когда государственной властью были взяты под контроль потребление, цены, сбыт, а отчасти и само производство. По такому пути пошла сначала Германия, а за ней и другие страны»³.

«Государственный капитализм — хозяйство, ведущееся государством либо совместно с частным капиталом, либо для него, но на принципах капиталистического предпринимательства».

И к этому можно добавить, что чем успешнее страна воевала за колонии, тем эффективнее могла стабилизировать ситуацию у себя. Хотя такая задача не всегда и стояла. Где было возможно, там просто подавляли восстания, а вот где надо было действовать помягче, то уж приходилось тратить ресурсы на социальную сферу. И этот компромисс, как можно понять, слишком далеко всё же не зайдёт и является временной мерой.

Итого мы имеем: при государственном капитализме классовое общество, где господствует буржуазия, действуют рыночные законы (есть биржа и др. финансовые учреждения) и есть частная собственность на средства производства. В действительности многие «левые» считают, что всё это было в СССР, и далее стоит рассмотреть доказательства.

«ЛЕВЫЕ» КРИТИКИ СССР

Сразу же надо отметить, что многие люди используют примитивные параллели вроде того, что раз при капитализме есть нечто, которое есть в СССР (например, зарплата), то это означает только то, что в СССР капитализм. Замечая некоторые сходства, они игнорируют принципиальные различия в способе производства, то есть игнорируют социальную основу конкретной формации. Таким методом действительно можно «доказать», что в СССР был феодализм или даже рабовладельческое общество, что свидетельствует только о том, что человек не готов исследовать проблему и, в общем-то, просто таким образом демонстрирует личную неприязнь к СССР.

Этим, естественно, всё не ограничивается. Дискуссии о природе Советской России (СССР) начались сразу же после революции. Некоторые индивиды, о

которых Ленин писал в книге «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме», довольно быстро заговорили о «диктатуре партии над пролетариатом». Они, естественно, обвиняли СССР в том, что коммунизм не установился в одночасье; в том, что советское руководство не реализует сомнительные идеи вроде ликвидации тюрем, армии.

Одним из первых, кто привёл параллели между капитализмом и рабочим государством, был Антон Паннекук. Он заявил, что в действительности СССР не является рабочим государством постольку, поскольку управляет всем не рабочий класс, а партия. Такая ребяческая позиция вызвана тем простым фактом, что Паннекук игнорирует тот момент, что всё-таки управляет государством класс, а не политическая партия, которая выражает интересы того или иного класса. В интересах какого класса выступала партия большевиков? Если верить сторонникам госкапа, то большевики, уничтожая рыночные отношения, частную собственность на средства производства, включая нерыночные механизмы и организовывая советское хозяйство, на самом деле выступали в интересах капитализма, уничтожая попутно его социальные основы.

Такие противоречия не кажутся странными лицам вроде Паннекука, потому что в их идеальной картине обществом должны управлять вообще все, иметь равные права и возможности. И если есть группа компетентных работников, которые действительно могут управлять, то это означает только то, что эти лица являются эксплуататорским классом. Такая вот логика у «левых коммунистов».

В идеале рабочий класс должен сразу взять власть и всё устроить так, как пожелает. Что из этого выйдет, сложно представить. По всей видимости, за основу левяки берут некие децентрализованные общины анархистов или нечто вроде этого. При этом игнорируется враждебное окружение, которое, очевидно, навряд ли обрадуется таким переменам; а также прогресс производства, который невозможен в подобных условиях, так как если создавать децентрализованную модель по всем «нормам» утопистов, то это будет возврат к натуральному хозяйству и первобытному обмену.

Практика подобных движений — экономизм и хвостизм. Ультралевые фразёры выступали против СССР, участвовали в любых рабочих протестах и не выдвигали никаких особых требований. Результаты их деятельности налицо. А смысл их существования вообще не ясен, потому что они считают, что рабочий класс должен сам себя освободить, не нужно приносить научный социализм в пролетарскую среду, поскольку он там якобы «в силу естественных причин» и так присутствует. Есть «естественная личность», которая в силу опять же естественных причин сама всё осознает и сама же организует так, как нужно, и сделает это правильно.

Для чего, в таком случае, нужен марксизм? Да ни для чего. Тем более, что теперь в качестве страшилки эти люди будут использовать мифы о революции и сталинских репрессиях; что если партия будет руководить революционным процессом, то опять всё механически повторится. Поэтому партия, как выразитель классовых интересов, где состоят наиболее компетентные и авторитетные люди, после революции вообще не нужна. Это так называемая махаевщина, только почему-то все эти лица продолжают себя ассоциировать с

марксизмом, а не с анархизмом.

Несмотря на то, что такие люди чаще всего заявляют, что именно они «истинные марксисты», на деле всё обстоит не так. Маркс по поводу теории и глупой практики левых фразёров:

«...с 1852 г. я не связан ни с каким объединением и что я глубоко убеждён в том, что мои теоретические работы приносят больше пользы рабочему классу, чем участие в объединениях, время для которых на континенте миновало. После этого в лондонской газете „Neue Zeit“ г-на Шерцера не раз помещались резкие нападки на меня за эту „бездеятельность“; хотя моё имя и не упоминалось, но было совершенно ясно, о ком идёт речь. Когда Леви приехал (в первый раз) из Дюссельдорфа — он и тебя тогда часто посещал, — он вздумал даже соблазнять меня обещанием поднять восстание фабричных рабочих в Изерлоне, Золингене и т. д. Я резко высказался против такого бесполезного и опасного безумства»⁴ .

Без развития теории о марксизме говорить не стоит. Авантюры ультралевых никогда ещё не приводили ко сколько-нибудь положительным результатам, о которых можно говорить как о примере удачной борьбы с капитализмом. Наоборот, левые «отрицатели» государства и прочие болтуны, которые нападали на СССР, часто считались популярными интеллигентами в капиталистических странах.

Есть ещё «марксисты-ленинцы», которые утверждают, что Ленин сам признавал, что в СССР государственный капитализм (начальный период НЭПа), а поэтому в СССР только и был капитализм. В качестве подтверждения чаще

всего используется высказывание Ленина — «Мы отступили к государственному капитализму»⁵ .

Однако данное высказывание используется не полностью. А вот тут и смысл несколько другой:

«Мы отступили к государственному капитализму. Но мы отступили в меру. Мы отступаем теперь к государственному регулированию торговли. Но мы отступаем в меру. Есть уже признаки, что виднеется конец этого отступления, виднеется не в слишком отдалённом будущем возможность приостановить это отступление».

Как видно, это просто фальсификация, рассчитанная на людей, которые не будут проверять. И Ленин прямо утверждает, что отступление навряд ли будет долгим, оно необходимо в период восстановления после гражданской войны.

Основные государственные деятели того периода также подтверждали, что государственный капитализм имеет место. Однако надо помнить, что в период НЭПа была буржуазия, были иностранные концессии, совместные предприятия и кооперативы. В общем, был частный капитал. Подобные элементы действительно играли существенную роль в экономике страны, и для партии НЭП — вынужденное решение, поскольку международной революции не было, а страна отсталая. Не говоря уже о враждебном окружении (интервенции), гражданской войне и о том факте, что противников советской власти было ещё очень много.

Попытка стабилизировать экономику таким образом в конечном итоге ни к чему

не привела. Стране нужна была индустриализация, а НЭП, особенно в последние годы, лишь усиливал влияние буржуазии и кулаков, которые спекулировали на хлебных ценах, пытаясь подчинить государство, то есть заставить государство выступать в их интересах, а не в интересах рабочего класса.

В результате пришлось силой изымать продукт, ликвидировать кулаков и буржуазию как класс, уничтожать все формы частного капитала. И этот момент, как будто «незначительный», обходят стороной. Связано это с тем, что СССР рассматривается примитивно, нет деления на исторические отрезки. А ведь есть большая разница между тем же НЭПом и периодом раскулачивания, коллективизации и индустриализации. Ссылки на Ленина в начальный период НЭПа в данном случае навряд ли представляют хоть какую-то актуальность. После ликвидации НЭПа просто не оставалось капиталистических хозяйственных форм.

Так что лица, утверждающие, что в период НЭПа был государственный капитализм, отчасти правы, хотя там был и не только государственный капитализм, но уже и принципиально антикапиталистические элементы, поскольку вместе с капиталистическим хозяйством было и советское. То же можно сказать и о перестройке, когда советское хозяйство ликвидировалось. Но разве можно говорить о государственном капитализме в остальное время существования СССР? Критики игнорируют период полной национализации промышленности и отказа от совместных предприятий, то есть как раз элементов государственного капитализма.

Не менее интересны аргументы вроде того, что социализм — новая общественная формация, где отсутствует государство. А раз в СССР есть государство, то значит и нет нового общества. Критики, таким образом, приходят к выводу, что в СССР был капитализм. Это связано с тем, что они, во-первых, не знают, что такое капитализм, во-вторых, не изучили марксистскую теорию о переходном периоде.

ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД

Классики научного коммунизма никогда не утверждали, что с установлением диктатуры пролетариата в тот же миг наступит социализм. В первую очередь, нужно разрушить основы капиталистического способа производства:

«...дело идёт не об изменении частной собственности, а об её уничтожении, не о затушёвывании классовых противоречий, а об уничтожении классов, не об улучшении существующего общества, а об основании нового общества»⁶.

Понимают ли краснобаи, что значит основание нового общества? Да, речь идёт о переходном периоде от капитализма к коммунизму. Теорий на этот счёт достаточно много. Кто-то называет это переходным периодом, кто-то рабочим государством, кто-то социализмом. Но путь ясный: в первую очередь, отмена частной собственности на средства производства, прогрессивные преобразования, обеспечение материальных и культурных потребностей общества. В условиях войны с мировой капиталистической системой и нехватки ресурсов приходится идти на компромиссы, в частности, с мелкой буржуазией в лице крестьянства. В определённом смысле капиталистические элементы

сохранялись, однако они соответствовали интересам господствующего класса — пролетариата.

Маркс о таком периоде писал:

«Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как революционной диктатурой пролетариата»⁷.

Как можно заметить, Маркс использует слово государство, он ни в коем случае не выступает за мгновенную отмену вообще всякого государства сразу после социальной революции. Именно рабочее государство, или переходный период, в данном случае — марксистское определение.

Сам процесс зависит от множества факторов. Но естественно, что ситуация, которая сложилась в мире в период пролетарской революции 1917 года, явно дала понять, что революцию нужно защищать любыми способами, а со временем стало ясно, что мировая революция не свершится, нужно действовать самостоятельно, то есть строить общество нового типа в одной, отдельной взятой стране. Только мечтатели могут в такой ситуации надеяться на мгновенное установление коммунизма, отмену государства и проч.

Речь идёт о классовой диктатуре, когда государство выступает в интересах рабочего класса, способствуя ликвидации частнособственнических отношений. Лица, говорящие о «диктатуре партии» или, например, «диктатуре вождей»,

просто не понимают, что такое класс. Определение:

«Это большая группа людей, отличающаяся от других групп по своему — господствующему — месту в исторически определённой системе общественного производства, тем самым по отношению к средствам производства, по своей — организующей — роли в общественной организации труда, а следовательно, по способу получения и размерам той — непомерной — доли общественного богатства, которой она располагает»⁸ .

И тут ключевой момент. В чьих интересах работало советское правительство? Отменяя рыночные механизмы, ликвидируя социальные основы капиталистического способа производства, экспроприируя экспроприаторов, можно всё-таки считать, что это государство не выступало в интересах буржуазии. Следовательно, поскольку сохранялся класс — государство отстаивало интересы пролетариата, что было заметно хотя бы даже по преобразованиям, которые были реализованы в первые годы советской власти. Надо отметить, что многие социальные проекты, которые сегодня воспринимаются как данность, впервые были введены именно в СССР, и уже только потом из-за угрозы социальной революции капиталистам пришлось вводить аналогичные реформы в своих странах (правда, они были непоследовательными). Право на работу, жильё (бесплатное), разного рода детские учреждения и проч. социальная сфера была именно «открытием» в СССР, то есть в обществе, которое сегодняшние капстраны представляют как империю зла.

Это связано с тем, что общественные фонды идут на развитие общества, а не на паразитическое потребление капиталистов, как это происходит в капиталистических странах, где реформы, подобные тем, что были реализованы в СССР, воспринимаются как нечто безумное, потому что они не направлены на извлечение прибыли. Принципиально новое в СССР было именно то, что использовалось научное планирование, когда ресурсы были распределены не по отраслям, приносящим мгновенную прибыль, а по «рыночно убыточным», которые в первое время не приносят большой отдачи, но требуют больших затрат (производство средств производства, тяжёлая промышленность). И это направлено как раз на то, чтобы объективно улучшить жизнь большинства населения, обеспечить всех жильём, устроить на работу, гарантировать медицинскую помощь и качественное образование, нормальное развитие личности и т. д. Принципиально новым было и отношение к странам, которые выступали как союзники. Если капиталистические страны максимально эксплуатировали зависимые страны (и колонии), то СССР способствовал развитию промышленности и социальной сферы в этих государствах, что явно было невыгодно с финансовой точки зрения.

Самое важное, что основная цель этого процесса, когда СССР бурно развивался, то есть в период индустриализации, заключалась в том, чтобы не быть придатком мирового капиталистического хозяйства, то есть исключить те недостатки, которые были в период НЭПа. И эта задача была решена, что говорит о том, что СССР получилось стать силой, способной противостоять мировому капиталу, быть альтернативой для многих стран.

Но и тут господа «левые коммунисты» полагают:

«Какие процессы изменили ситуацию после XIII съезда РКП(б)? Никакие! Индустриализация и кооперирование прошли во всех развитых странах, механизировав производство и укрупнив хозяйственные единицы. Но при чём здесь социализм?»

То есть если индустриализация проходила в капиталистических странах, то это значит, что в СССР — капитализм, несмотря на то что в капиталистических странах индустриализация проводилась в интересах капиталистов, тогда шёл процесс пауперизации, а в СССР индустриализация целиком и полностью отвечала интересам пролетариата. В первом случае важна прежде всего рентабельность, во втором она не имеет никакого значения вообще. Но это, видимо, мелочь. Как можно заметить, примитивные аналогии здесь ключевое доказательство. Хотя смотреть надо на социальные основы общества.

ТОНИ КЛИФФ И ЕГО СТОРОННИКИ

Тони Клифф попытался серьёзно подойти к проблеме. Дело в том, что до него сторонники теории государственного капитализма доказывали всё таким образом: в СССР есть армии и в капстранах есть армии, следовательно, в СССР капитализм. Были также аналогии «моральные», мол, раз в СССР сажают людей в тюрьмы, то значит — капитализм. Подобные сравнения для мелкобуржуазных групп были вполне достаточными.

Ясно, что не все противники СССР могли удовлетвориться подобными доводами. Нужна была серьёзная работа, где бы доказывалось, что в СССР действительно никакого перехода от капитализма к социализму нет и что там просто обыкновенный капитализм.

Клифф написал книгу «Государственный капитализм в России», где, по его мнению, не оставил противникам данной теории никакого шанса доказать, что всё-таки капитализма не было.

В действительности среди «левой интеллигенции» книга была достаточно популярна. Однако в научной среде, даже буржуазной, никакого отклика не последовало, поскольку книга даже там воспринималась просто как пропагандистская работа с сомнительной доказательной базой.

А причина в чём? В первую очередь, попытки Клиффа казаться объективным полностью провалились. Он во многих местах указывает на «зверства» СССР и часто даже противопоставляет этой системе капиталистическую, причём капиталистическая представляется в лучшем свете, так как Клифф был сторонником «честных выборов», «многопартийности» и «прямой демократии», называл себя социалистом.

Изначально он был нацелен на то, чтобы доказать гипотезу — В СССР был госкапитализм, а не изучать ситуацию. Следовательно, все его источники тенденциозны. Говоря об источниках, надо заметить, что речь часто идёт о фальсификациях.

Доказывая за счёт «массовых репрессий» капиталистический характер СССР, Клифф приводит массу источников. Но главное — что это за источники? Он ссылается либо на себя, либо на советологов и других противников СССР. Грубо говоря, писанина Солженицына и других подобных деятелей является историческим источником. Особенно сильно прокололся Клифф в вопросе о жертвах репрессий.

Например, он пишет:

«К 1931 г. в трудовых лагерях содержалось около 2 млн человек, к 1933 — 1935 гг. — около 5 млн и к 1942 г. — от 8 до 15 млн (79). Бывший некогда лидером Югославской коммунистической партии Антон Цилига, который многие годы находился в русских концентрационных лагерях, считал, что число заключённых в период чисток тридцатых годов достигало приблизительно 10 млн человек»⁹.

Тут есть интересный момент. Статистика по заключённым и репрессированным была открыта только в конце 80-х годов. Клифф же писал это в середине 50-х, то есть никаких реальных источников у него просто не было. Сегодня можно точно сказать (на основании открытых данных), что в 33-35 гг. не было и миллиона человек в трудовых лагерях¹⁰. В 1942 году — 1 415 596 чел. А в период чисток, возьмём, допустим, 1936 и 37 гг.:

1936	839 406
1937	820 881

Видно, что речь идёт о лжи, автор не проверяет информацию, даже не указывает, что, возможно, это не совсем соответствует действительности. Проще говоря, аргументация Клиффа построена именно таким вот чудесным образом. Особо забавно, как в качестве доказательства выдвигается «мнение» бывшего члена компартии. Как он мог определить, что в лагерях находилось 10 млн человек? Это же невозможно. Но Клифф доверял таким «свидетельствам».

Ещё об аргументации Клиффа:

«В России ужасы форсированной индустриализации, жестокой коллективизации крестьянства, лишение рабочих права на организацию профсоюза или забастовку, политический террор — всё это было побочным продуктом беспрецедентного роста капиталистического накопления».

Опять же тут основной аргумент — аналогия. Раз капиталистическое накопление сопровождалось «большой кровью», то это значит, что если жертвы есть, то есть и первоначальное капиталистическое накопление. Это апелляция к эмоциям, игнорируя реальные факты. Например, то, что процесс первоначального накопления капитала включал в себя обнищание пролетариата и особенно крестьянства (которое сгоняли с земель), а в СССР процесс всё-таки включал в себя полную занятость и улучшение жизни подавляющего большинства населения.

В Англии лендлорды, используя эту ситуацию, узаконили право частной собственности и использовали землю с максимальной для себя выгодой, избавляясь от «ненужных людей». Причём всё ценное, что могло быть у этих людей, также объявлялось собственностью лендлордов. Важнейшую роль в данном процессе играло разграбление отсталых стран. В СССР, наоборот, избавлялись от помещиков, а землю получали крестьяне (размер земли зависит от того, сколько едоков). Накопление, которое ещё называли социалистическим накоплением, было неизбежным, но всё же оно объективно отвечало интересам большинства населения, а правящий класс просто был ликвидирован в ходе этого процесса.

Вместе с тем, Клифф легко мог пугать леваков историями о том, что в СССР

постоянно сажали и ссылали в лагеря за прогулы. Хотя подобная норма была актуальна в предвоенные годы, когда действительно прогул без обоснованной причины приравнивался к саботажу.

То же относится и к репрессиям, и к разговорам о том, что в СССР были «буржуазные порядки». Любой проходимец мог написать, что в СССР, например, был частный капитал, а Клифф мог на это дело сослаться в качестве доказательства. Наверное, теперь понятно, почему подобная теория не нашла поддержки даже в буржуазных академических кругах.

И в итоге работа Клиффа просто стала очередным «подтверждением», что в СССР государственный капитализм, для анархистов и «левых коммунистов», которые ещё до написания книги утверждали подобное.

Главное оружие Клиффа — логическая уловка, известная как «соломенное чучело», то есть он создавал ложную точку зрения и затем её же опровергал. С другой стороны, всё же нельзя не сказать, что других источников у него, скорее всего, просто не было, поскольку во многом речь шла о засекреченной информации.

Однако дело ведь не только в источниках. Ведь Клифф также с «марксистских позиций» пытался доказать, что в СССР действует капиталистический способ производства. Однако в данном вопросе он постоянно противоречил себе же, к примеру:

«Если рассматривать отношения, существующие в русской экономике, абстрагируясь от её связей с мировой экономикой, нельзя не прийти к

выводу, что закон стоимости как двигатель и регулятор производства здесь не действует. По существу, законы, управляющие отношениями между предприятиями, а также отношениями между рабочими и нанимателем-государством, ничем не различались бы, если бы Россия представляла собой одно большое предприятие, управляемое непосредственно из одного центра, и если бы рабочие получали товары, потребляемые ими, непосредственно в натуральной форме»¹¹.

Он пошёл дальше, чем предыдущие сторонники подобных взглядов, но, несмотря на явные противоречия, всё же продолжал рассматривать ситуацию таким образом, что всё-таки госкап был. Далее он упрекал советское государство в том, что для индустриализации требовались обязательные поставки с колхозов. То есть он прямо заявлял, что колхозники должны как собственники владеть колхозами, а государство не должно вмешиваться. Речь идёт о мелкобуржуазной модели синдикалистов, что Клифф считал «подлинным социализмом».

Клифф в других публикациях много раз подтверждал, что, в сущности, является реакционером — последовательным противником СССР. В годы корейской войны он заявлял, что пролетариат не должен принимать никакой стороны, что и СССР, и США — империалистические страны в равной мере¹². И говорил своим союзникам:

«Для марксистов развитых капиталистических стран ленинская оценка империализма не может быть авторитетной»¹³.

В работе Басманова «В обозе реакции: троцкизм 30 — 70-х годов» приведено

много фактов, где Клифф фактически выступал против марксизма и на стороне мелкой буржуазии.

Он пытался доказать, что в СССР рабочему жилось хуже, чем во времена Российской империи, приводя в качестве довода котировки рубля в Российской империи и в СССР, то есть игнорируя тот факт, что в одном случае курс зависел от биржи, в другом — нет. Видимо, пролетарские формы собственности, рабочее законодательство, жильё, социальная сфера и объективно рост потребления никаким образом не улучшили жизнь рабочего класса.

Нужно было представить ситуацию так, что СССР — отсталое общество, где ссылают в лагеря за прогулы, за малейшую неточность в работе — выгоняют с дома. Рабочий живёт чуть ли не в подвале и впроголодь. В общем, как будто ничего и не менялось. Более того, Клифф также подчеркивает, что СССР — вовсе не передовое государство, а якобы отсталое капиталистическое. К такому выводу прийти очень просто, если использовать в качестве источников труды эмигрантов (в том числе белоэмигрантов и их потомков), советологов и прочих «оппозиционеров», у которых на руках нет фактов, зато есть заготовленные кричалки и сборники городских легенд.

Но если в СССР всё-таки был государственный капитализм, то кто тогда капиталисты, то есть господствующий класс, в чьих интересах действовало государство? Надо отметить, что государственный капитализм на деле означает то, что государство в большей мере не является собственником предприятий, а выступает как посредник в интересах крупной буржуазии.

На постсоветском пространстве как раз-таки государственный капитализм

довольно развит. И что же мы видим? Государство служит интересам монополистского капитализма, принимая все финансовые риски на себя, а олигархам достаётся лишь выгода от подобной сделки. Также государство всегда готово компенсировать любые потери правящего класса, что мы видим во времена кризиса и санкций.

В Советском Союзе подобная схема не работала, просто не было никаких капиталистов, в интересах которых работало государство как посредник. Возможно, скажут наиболее упёртые, члены партии и есть капиталисты? Это же ведь люди с акциями, облигациями, владельцы частной собственности на средства производства, которые эксплуатировали рабочих, извлекая прибавочную стоимость, а затем тратили на личное потребление, как считают сторонники госкапа.

Так ли это на самом деле? Во-первых, стоит заметить, что частных собственников среди членов партии не было. Возможно, управленцы — частные собственники? Но тут ошибка в том, что примитивные «критики» не видят разницы между владением и управлением. Никакой значительной разницы в доходах членов партии и простых работников на самом деле не было. Были иногда злоупотребления, но они карались даже в начальный период перестройки (вплоть до расстрела).

Бюрократы, как бы высоко они ни стояли, частными собственниками не являлись. У них не было акций и они не могли получать прибыль законным способом. Если же они всё-таки имели сомнительные доходы, то в любой момент такие «собственники» могли в лучшем случае оказаться в тюрьме.

Странно получается, что собственники-капиталисты не могут распоряжаться своею же собственностью. А деньги, даже если их наворовать очень много, всё же нельзя превратить в капитал. Нельзя на них, при всём желании, приобрести, например, промышленное предприятие.

Получается, что при «обычном государственном капитализме» в СССР всё было несколько необычно? Надо придумать изощрённые аргументы. Оказывается, партия — совокупный капиталист, вот так просто всё и разрешается. Однако что такое совокупный капиталист — давно известно. Частная собственность большой группы — кооператив или акционерное общество. Все собственники прекрасно знают, что они — собственники, они могут распоряжаться своим имуществом и получать с него дивиденды. Были ли собрания собственников в СССР? Доказать это никому ещё не удавалось.

Если члены партии были собственниками, то они, вероятно, даже и не знали об этом. Тем более, что в партии состояло примерно 10 % населения. Такой вот эксплуататорский класс, где, например, в 1971 году было более 40 % обычных промышленных рабочих. А они, по логике ультралевых, видимо, были капиталистами, или «совокупными капиталистами» (и 14 % колхозников тоже).

Поскольку леваки-хвостисты не могут считать рабочих капиталистами, им приходится идти на уступки. Они заявляют, что совокупными капиталистами были не все члены КПСС, а только верхушка. Вряд ли можно считать, что такие люди вообще понимают, что такое класс. Да и верхушка КПСС — это вообще кто? Политбюро, ЦК? И все эти люди имели ценные бумаги, тратили на себя прибавочный продукт? Ни юридически, ни экономически даже самые главные

деятели партии не владели частной собственностью.

В классовом обществе должны быть также аппараты управления собственностью. В СССР их не было. Следовательно, был очень интересный капитализм, где отсутствовали рыночные механизмы, частная собственность и где сами «капиталисты» никаким образом не могли извлекать прибыль, не могли управлять своей собственностью как любой капиталист в современной России, которому, например, досталось предприятие после приватизации.

КЛАССИЧЕСКИЙ МАРКСИЗМ ПРОТИВ «РЕАЛЬНОГО СОЦИАЛИЗМА»

Когда аргументы у сторонников теории государственного капитализма заканчиваются, они начинают «доказывать» свои утверждения цитатами классиков. Например, утверждение Энгельса:

«В последнее время, с тех пор как Бисмарк бросился на путь огосударствления, появился особого рода фальшивый социализм, выродившийся местами в своеобразный вид добровольного лакейства, объявляющий без околичностей социалистическим всякое огосударствление, даже бисмарковское. Если государственная табачная монополия есть социализм, то Наполеон и Меттерних несомненно должны быть занесены в число основателей социализма. Когда бельгийское государство, из самых обиденных политических и финансовых соображений, само взялось за постройку главных железных дорог; когда Бисмарк без малейшей экономической необходимости превратил в государственную собственность главнейшие прусские железнодорожные

*линии просто ради удобства приспособления и использования их в случае войны, для того чтобы вышколить железнодорожных чиновников и сделать из них послушно вотирующее за правительство стадо, а главным образом для того, чтобы иметь новый, независимый от парламента источник дохода, — то всё это ни в коем случае не было шагом к социализму, ни прямым, ни косвенным, ни сознательным, ни бессознательным. Иначе должны быть признаны социалистическими учреждениями королевская *Seehandlung*»¹⁴.*

Приём очень простой. Нужно сравнить СССР с Пруссией. Однако, как правило, чаще всего упускается начало абзаца, то есть цитата не полная, а специальная для подтверждения «теории». А Энгельс, между прочим, говорил:

«...их [речь идёт о средствах производства] огосударствление станет экономически неизбежным, только тогда — даже если его совершит современное государство — оно будет экономическим прогрессом, новым шагом по пути к тому, чтобы само общество взяло в своё владение все производительные силы».

Нападки на Бисмарка понятны, потому что тут действительно был государственный капитализм, то есть сохранялась частная собственность на средства производства, был класс капиталистов и рынок капиталов. Государство участвовало как регулятор подобных отношений. Бисмарк не совершил социальную революцию, не реализовал полную национализацию (железные дороги и несколько промышленных предприятий — неизбежная мера). Также очевидно, что Бисмарк не уничтожил капиталистов как класс, что

было осуществлено в СССР. Да и Бисмарк, что самое главное, проводил частичную и непоследовательную национализацию в интересах буржуазии, в интересах сохранения и развития буржуазного государства, а не в интересах угнетённых. Реформаторы полностью подтверждают, что мелкие уступки и частичная (всегда частичная) национализация может быть решением, то есть привести к временной стабилизации капитализма.

Что же должен делать пролетариат. Классики указывали:

«Пролетариат использует своё политическое господство для того, чтобы вырвать у буржуазии шаг за шагом весь капитал, централизовать все орудия производства в руках государства, т. е. пролетариата, организованного как господствующий класс, и возможно более быстро увеличить сумму производительных сил»¹⁵.

Надо заметить, что после сворачивания НЭПа эти шаги были полностью реализованы.

О государственной национализации в рамках государственного капитализма тоже можно отдельно сказать. Например, правительство Великобритании в послевоенные годы проводило национализацию. Что же она собой представляла? Во-первых, за большие деньги нерентабельные, но необходимые для экономики предприятия выкупались у буржуазии. Затем государство проводило модернизацию за счёт народных средств, предприятия действительно стали эффективными и рентабельными. Однако спустя некоторое время (от 10 до 30 лет, как правило) большая часть подобных предприятий возвращались буржуазии за бесценок. Именно такая

национализация и характерна для государственного капитализма, где выступают именно в интересах правящего класса, а никак иначе. Какие тут вообще возможны аналогии с СССР? Да и никогда все предприятия национализированы не были, биржи, рынок капиталов и конкуренция сохранялись.

Классики как раз всегда указывали, что после социальной революции должен установиться особый тип общества — переходный период от капитализма к коммунизму. Отдельные госкаповцы сознательно об этом умалчивают, и говорят, что любое государство — зло, которое после социальной революции якобы должно в одночасье «отмереть» при любом раскладе. Но поскольку общественно-экономических формаций в химически чистом (старые формы могут долгое время сохраняться) виде в принципе нет, то, вероятно, любая переходная форма воспринималась бы именно как «реакционная», раз там не реализованы утопические проекты ультралевых.

Теория государственного капитализма несостоятельна хотя бы по той причине, что капиталистический способ производства в СССР не работал, рынок капиталов отсутствовал, самого буржуазного класса просто не было. Лица, которые пытались доказать обратное, использовали логические уловки и аналогии, дабы вывести капитализм из политических репрессий и, например, существования некоторых социальных институтов (например, армии, самого

государства). У них бы получилось это сделать только в том случае, если бы они сумели доказать, что в СССР был класс капиталистов, чьи интересы обслуживало государство.

Сторонников госкапа не удивило, что для второго издания капитализма в России, то есть для периода, когда возрождались рыночные отношения, пришлось сразу же восстанавливать институт частной собственности и ликвидировать особую форму — советское хозяйство, которая появилась как раз сразу после революции и которая даже в период НЭПа и перестройки всё ещё сохраняла преимущественно социалистический характер.

Произошла смена общественной формации, когда переходное общество вернулось к капиталистическому способу производства, то есть произошёл откат, в глобальном смысле Россия просто вошла в мировой рынок как полупериферия, преимущественно поставщик сырья. А под кредиты медленно, но верно уничтожалась тяжёлая промышленность, была ликвидирована колхозная форма собственности.

Казалось бы, это подтверждает то, что в СССР были принципиально иные формы собственности. Но для сторонников теории госкапитализма это вовсе не аргумент. Они, как правило, заявляют, что на самом деле ничего не изменилось, а, мол, как было всё, так и осталось. Подкрепляют этот довод тем фактом, что до сих пор страной управляют «те же люди». Следует повториться, что при такой логике СССР можно объявить и феодальным, и рабовладельческим строем, то есть это просто отказ от марксистского анализа социальной природы государства.

Нашли ошибку? Выделите фрагмент текста и нажмите Ctrl+Enter.

Примечания

1. «Тоталитаризм»: история одной дутой концепции. ↩
2. К. Маркс, Ф. Энгельс, Собр. соч., изд. 2, т. 35, с. 140. ↩
3. Популярный политический словарь. 1923. ↩
4. Маркс — Фрейлиграту, 29 февраля 1860 г. ↩
5. Ленин В. И. К годовщинам октябрьской социалистической революции, 1937 г. С. 92. ↩
6. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. т. 7, С. 261. ↩
7. Пётр Федосеев. Марксистско-ленинское учение о социализме и современность, 1975 г., С. 36. ↩
8. Ленин В. И. Полное собрание сочинений, 5-е изд., т. 39. ↩
9. Клифф Т. Государственный капитализм в России. ↩
10. Земсков В. Н. ГУЛаг (историко-социологический аспект) // Социологические исследования. — 1991. — № 6—7. ↩
11. Клифф Т. Государственный капитализм в России. ↩
12. «Permanente Revolution», 1972, N 3, S. 9; «The Newsletter», 14.1.1969. ↩
13. «Workers Vanguard», 16 IX 1977. ↩

14. Маркс К., Энгельс Ф. ПСС, т. 19, С. 225 ↵
15. Маркс К., Энгельс Ф. ПСС, т. 4, С. 446. ↵